
«Я волком бы выгрыз бюрократизм»?

Рецензия на книгу: Макаренко В.П. (ред.) (2020)

Бюрократия и авторитаризм: программа междисциплинарной дискуссии.
Сборник трудов. Таганрог: Южный федеральный университет.

С.С. НЕРЕТИНА*

*Светлана Сергеевна Неретина – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт философии РАН, Москва, Россия, abaelardus@mail.ru

Цитирование: Неретина С.С. (2022) «Я волком бы выгрыз бюрократизм»? // Мир России. Т. 31. № 2. С. 174–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-174-188

Аннотация

В рецензии анализируется сборник работ разных лет под общей редакцией доктора философских наук, доктора политических наук, основателя Южно-Российской школы политических наук профессора В.П. Макаренко, 75-летию которого посвящен один из разделов сборника. Три раздела сборника («Круглый стол, проведенный на базе журнала “Вопросы философии”»; «Тридцать лет спустя: сферы властно-бюрократической активности»; «Методологическая рефлексия») являются результатом работы международной конференции, целью которой была разработка концепции бюрократии, методов ее переплетения с авторитаризмом, утвердившегося в России, по мнению большинства авторов, после крушения советской власти, а также выявление способов становления демократизма. Поставлены такие проблемы, как соотношение бюрократии, авторитаризма и будущего демократии в России, бюрократии и подмены политики управлением, бюрократии и вождизма, бюрократии и собственности, бюрократии и ее связей с российской провинцией. Рассмотрены стереотипы бюрократического сознания как опасная патология, изменения, связанные с пандемией.

Аналитические главы сборника имеют острую публицистическую направленность, рассчитаны на широкие слои читателей. Почти все авторы сборника связывали начало авторитарного правления с недостаточностью демократического образования, констатируя при этом, что для существования эффективно работающей бюрократии требуется наличие среднего сословия, которое обладало бы правовым сознанием; помимо этого, необходима борьба не столько с бюрократией, сколько с бюрократизмом. Обнаруживаются истоки современного российского бюрократизма и авторитаризма в марксистской теории. Вводятся понятия (авторитарная бюрократия, ноократия, ветократия, деятельность для деятельности, социальные разумные системы и др.), многие из которых, однако, не получили развития. Анализу подверглось одно из них – «номенклату-

Статья поступила в редакцию в июле 2021 г.

ра». Вместо старого его определения, данного М.С. Восленским и понимаемого как «перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий [партийный] орган, и соответственно перечень лиц, которые такие должности замещают или находятся в резерве для их замещения», автор одной из статей сборника С.Д. Хайтун предлагает связывать номенклатуру с привилегиями чиновников, с понятием социальных разумных систем, которые (подобно «классовому сознанию», «коллективному бессознательному» и пр.) подчиняют себе интересы индивидов, координируют их деятельность в собственных интересах и создают коллективную ответственность чиновников. Эта ответственность не является ни частной, ни государственной, а представляет собой неизвестную ранее форму собственности, которая играет, однако, системообразующую роль в государстве.

Ключевые слова: *бюрократия, авторитаризм, демократия, номенклатура, собственность, управление, правовое сознание, вождизм, принципат*

Представленная книга является результатом международной дискуссии по проблемам бюрократии и авторитаризма, начало которой, как пишет В.П. Макаренко, было положено еще во времена «махрового заката» советской власти в 1974 г. Задача, которую поставил перед собой ответственный редактор, была если не уникальной, то редкой: разработка «концепции бюрократии на основе переплетения собственного жизненного и научного опыта» [Макаренко 2020, с. 5]. Его личный опыт к тому же перекликался с опытом коллег (не во всем единомышленников, но серьезных и интересных, каждый с собственным жизненным и научным опытом). Ситуация усугублялась желанием не повторять не только других, но и себя самого. Интерес к проблеме, возросший к рубежу 1980–1990-х гг., был спровоцирован и самими «бюрократами» времен перестройки, поэтому «познание различных аспектов взаимосвязи бюрократии с авторитаризмом» рассматривается на фоне советско-постсоветских политических кампаний по «борьбе с бюрократизмом» [Макаренко 2020, с. 5].

В.П. Макаренко – боец. Борьба против его диффамации газетой «Советская Россия» дорогого стоит. Можно себе представить, что чувствует человек, прочитавший подписанную его фамилией не писанную им статью, в диаметрально противоположном смысле представившую его позицию. Вообще рассказ о том, как читал лекции, как анализировал закон о государственной службе¹, как была организована его травля, как люди пожимали ему руку не за то, что сделал, а за то, чего не делал, как проявлялось малодушие многих казавшихся порядочными людей, – это отдельная история, сюжет для кинофильма, для театра «Абсурда на подмостках». Он выстоял и написал множество книг, и книг так много, что никакая коварная сила уже не сможет переиначить их основной смысл. Предупреждение редактора к этой книге по праву может считаться эпитафией, а Приложение² – предостережением.

Книга делится на три неравные части в 50, 90 и 105 страниц, свидетельствуя о нарастании силы анализа проблемы бюрократии и авторитаризма. Архитекту-

¹ Статья «Система исполнения законов или чиновничья иерархия?» в соавторстве с В. Исаевым открывает сборник.

² Квазимакаренковская статья в «Советской России» и ответ на нее Н. Боднарука «Топорная работа: на примере статьи “Топор за доллары”», напечатанный 18 мая 1993 г. в газете «Известия».

ра книги такова: от «Осознания проблемы на рубеже 1980–1990-х годов» (первая часть) через «сферы властнобюрократической активности» второй части, освещающей проблему тридцать лет спустя (почти по А. Дюма), к «Методологической рефлексии» третьей части без какого-либо специального «Заключения», поскольку эта третья часть – апологетическая (посвящена 75-летию В.П. Макаренко и потому уже представляет собой «Заключение»). Первая часть «инициирована предчувствием, высказанным <...> на заседании круглого стола журнала “Вопросы философии” в июне 1992 г.: российская бюрократия подавит демократические тенденции, официально декларированные президентом и правительством» [Макаренко 2020, с. 9]. Хотя вряд ли можно говорить о «предчувствии», поскольку этот круглый стол был следствием возникшего еще в советские годы (в 1988–1989 гг.) обсуждения возможности «перехода СССР от коммунистического правления к либеральной демократии через промежуточный период авторитарного правления» [Гельман 1997, с. 65]. По этому поводу состоялась дискуссия, в которой участвовали отстаивающий идею авторитарности А.М. Мигранян, отрекшийся от этой идеи Ю.Ф. Карякин, предложивший «масштабную программу авторитарных приемов при проведении экономических реформ» А.Б. Чубайс [Гельман 1997, с. 66].

Первая часть книги (круглый стол) – в основном мемориальная, ее участники – В.М. Межуев (1933–2019), Ю.А. Замошкин (1927–1993), А.С. Панарин (1940–2003), А.П. Огурцов (1936–2014), а также В.П. Макаренко, В.К. Кантор, Т.А. Алексеева, Ю.Е. Милованов, В.М. Быченков. Вторая часть книги посвящена современности, ее авторами выступили В.П. Макаренко, А.В. Глухова, С.Л. Хайтун, Э.И. Колчинский и А.В. Скиперских. Третью часть представляют М.В. Рац, С.И. Котельников и Б.И. Слепцов, А.В. Оболонский, А.П. Давыдов, М.С. Константинов и С.Л. Хайтун.

Статья В. Исаева и В.П. Макаренко «Система исполнения законов или чиновничья иерархия?» открывает монографию не случайно: без «Закона о госслужбе» обсуждение заслуг и провалов бюрократического аппарата страны стало бы беспредметным. Критика его была такова, что первая версия Закона была отклонена в том числе и из-за того, что исходила из представления о российском государстве как об абсолютном благе. «Однако, чтобы это доказать, <...> надо было бы опровергнуть не только анархистскую и марксистскую концепции государства, <...> но и современные либеральные и системно-структурные теории государства» [Макаренко 2020, с. 13–14]. Авторы статьи обратили внимание на обесценивание понятий, употребляемых в законопроекте, лишение их «строгого теоретического смысла» и превращение в абстракции, под которые можно было подвести любые действия власти. Подробный анализ каждого из пунктов законопроекта свидетельствовал не только о необходимости «Закона о госслужбе» (это само собой разумеется), а о насущной целесообразности реформирования государственного управления в целом, если оно вызывает столь сильную негативную реакцию заинтересованных профессионалов при растущей апатии населения.

Во время проведения круглого стола, посвященного проблемам бюрократии и авторитарной власти, были высказаны мнения, актуальность которых и сейчас несомненна. Почти все участники указывали на разные источники западной и российской бюрократии (у первой – право, модернизация и демократизация, у второй – правовой беспредел), на захваченные ею командные рычаги (Ю.Е. Милованов, В.М. Быченков, А.П. Огурцов), на авторитарность. По большей части

звучали публицистические высказывания (В.М. Межуев, Ю.Н. Замошкин), и эту публицистичность почти не смогли заглушить выступления, основанные на конкретных исследованиях (В.К. Кантор, А.П. Огурцов). Однако публицистичность в данном случае вполне объяснима: попытка прояснить вопрос о несовпадении власти и политики настолько злободневна, что им занимаются не только специалисты. «Можно представить ситуацию, когда власть по своему государственному устройству является не демократической, но проводит либеральную политику. И наоборот. Николай I и Александр II – русские императоры, представлявшие монархическую, даже самодержавную власть. Но если один был деспотом, то другой – либералом в своей политике, чего нельзя сказать ни о западных, ни о русских революционных демократах, иногда приходивших к власти» [Макаренко 2020, с. 18]. Это высказывание В.М. Межуева в третьей части поддерживается и усиливается документальным материалом в статье А.П. Давыдова «Россия: социокультурные основания московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса (XII в. – 1917 г.)» [Макаренко 2020, с. 211–234].

Мы сейчас подсмеиваемся над навязыванием нам традиционных ценностей, но оказывается, по мнению В.М. Межуева, «нет традиции и привычки мыслить и действовать в соответствии с демократическими нормами и принципами» [Макаренко 2020, с. 19]. Можно ли так ставить вопрос при условии, что мысль свободна, что у нее вообще нет традиции? Участие в демократических институтах – это не следствие традиции, а социальное, политическое и интеллектуальное желание (условие) становления демократии, ибо по привычке (традиционно) можно действовать и в соответствии с установленными нормами и принципами.

Почти все участники круглого стола высказались за необходимость разграничения политических и экономических свобод, раскритиковав при этом конвергенцию демократических и экономических реформ после 1991 г., обозначили существование трех разных суверенитетов (экономического, национального и государственного), приведших к расколу государства и ставших признаком тоталитарного государства [Макаренко 2020, с. 51]. Они констатировали, что для существования бюрократии требуется наличие среднего сословия, «которое характеризует развитый интеллект и правовое сознание» [Макаренко 2020, с. 35].

Все это, однако, некоторые констатации, которые неизбежно возникают даже в самых неподготовленных умах. Когда Ю.А. Замошкин («Борьба с бюрократией – борьба за демократию») отрицает наличие в стране демократии, считая, что люди после падения советской власти приобрели 10–15% свободы, он эти цифры приводит навскидку, без каких бы то ни было объяснений, но смысл его выступления состоит в демонстрации оснований, по которым демократия возможна (обладание человека способностями победить эгоизм, учитывая интересы других людей) и даже необходима (обладание человека частными интересами). Власть народа оказалась связанной с властью самоограничения и самосознания [Макаренко 2020, с. 26].

В.К. Кантор, заявляя, что мы привычно считаем Россию наиболее страдающей от бюрократии, полагает, что Россия живет тройной жизнью:

1. Мимикрирует под Запад. В России, считает он, опираясь на воспоминания маркиза де Кюстина, «есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия – страна фасадов. Прочтите этикетки – у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей» [Макаренко 2020, с. 36].

2. Из Азии она взяла деспотию, самодурство и привычку жить по барско-байскому обычаю.

3. А сама создала лишь крепостное право.

Действительно, мы изначально «работали» во всех направлениях. Как заявляет М.Я. Гефтер, Иван IV почти в то же время, когда завоевывал Сибирь, обратился с предложением руки и сердца к Елизавете Английской. Да и В.К. Кантор говорит: «...Явления инокультурные, пересаженные на нашу почву, давали в результате какое-то другое образование» [Макаренко 2020, с. 38]. В.К. Кантор сделал большой экскурс в историю, чтобы убедиться в правоте Б.Н. Чичерина, утверждавшего, что Московское государство «управлялось не законами, а распоряжениями» при медленной европеизации, когда роль третьего сословия взяло на себя дворянство, и лишь после 1861 г. «складывавшиеся буржуазные отношения способствовали появлению целого слоя русских бюрократов европейской складки» [Макаренко 2020, с. 37]. На место этого слоя, сметенного революцией 1917 г., пришли «красные» бюрократы, после Гражданской войны превратившиеся в номенклатуру.

«Номенклатура» – интереснейшее понятие, подвергнутое переосмыслению в статье С.Д. Хайтуна «Четыре ошибки Карла Маркса и их проекция на путинскую Россию». Обычно под номенклатурой понимают определение М.С. Восленского: это «перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий [партийный] орган, и соответственно перечень лиц, которые такие должности замещают или находятся в резерве для их замещения» [Макаренко 2020, с. 111]. С.Д. Хайтун же считает необходимым ввести иное измерение номенклатуры, полагая, что она связана с понятием социальных разумных систем (СРС), которые в качестве самостоятельных сущностей (подобно «классовому сознанию», «коллективному бессознательному» и пр.) подчиняют себе интересы индивидов, координируют их деятельность в собственных интересах, создавая коллективную собственность чиновников. Номенклатура, считает С.Д. Хайтун, «это бюрократия, превращенная в СРС размытыми привилегиями и питающая их» этой самой собственностью, «которая не является ни частной, ни государственной, а представляет собой неизвестную ранее форму собственности» [Макаренко 2020, с. 108], играющей «системообразующую роль» в государстве. Поразительно, но как раз о собственности в книге сказано меньше всего, а то, что сказано, касается в основном не того, что такое собственность сама по себе, а того, что можно прибрать к рукам, сделать своим собственным и уже тем самым хотя бы задать вопрос о собственности (см. книгу В.В. Бибихина «Собственность» [Бибихин 2012]).

Впрочем, большинство выступлений на круглом столе можно назвать опытом мыследательности: авторы в основном высказывали свои наблюдения о том, что происходило в новой (после 1991 г.) России, но не конкретизировали их. Т.А. Алексеева обратила внимание на подмену политики управлением и на то, что «технически развитое современное государство абсолютно зависит от бюрократического базиса» [Макаренко 2020, с. 41]. Но как и когда зависит? Чем должна обладать бюрократия, чтобы фактически подменить собою управление? На это словно бы ответил А.С. Панарин: это возможно при условии, если бюрократия харизматична, а «бюрократ принимал обличье харизматика» [Макаренко 2020, с. 47]. Именно с утратой харизматического образа государственности А.С. Панарин связывает крушение царского режима; советская же

бюрократия использовала, согласно А.С. Панарину, три харизматических образа: (1) харизму социальной справедливости, когда «бюрократия выступала как перераспределитель общественного богатства в духе “демократии равенства”»; (2) харизму покорителей и преобразователей природы, когда «номенклатурные управленцы» уподобляли себя Прометею, считавшегося воплощением неукротимой воли, способному менять климат, поворачивать вспять реки, создавать рукотворные моря, завоевывать космос³; (3) харизму всепредвидящего «научного планирования». Эти три мифа рухнули, оставив две «логически мыслимые возможности: либо отказ от тотальных притязаний социального мессианства и переход на позиции прагматического разума, занятого частичными улучшениями (“здесь и теперь”), либо поиски новой “великой идеи”» [Макаренко 2020, с. 48–49]. А.С. Панарин считал, что в 1990-е гг. эти идеи отсутствовали, поэтому евразийская целостность выступала под знаком реставрации либо «белой» (в образе «великой и неделимой» России до 1917 г.), либо «красной» (в образе единого советского народа как «новой исторической общности») [Макаренко 2020, с. 48]. «Вместо самостоятельного гражданского общества воспроизводится старая дихотомия “верхов” и “низов”, а вместе с нею и страдательный образ народа – жертвы очередной версии “прогресса”» [Макаренко 2020, с. 49].

Я думаю, что в настоящее время предположения А.С. Панарина оправдались не полностью: поиски «великой идеи» продолжились без «отказа от тотальных притязаний социального мессианства» со слабыми попытками использования практического разума и с восстановлением харизматического образа лидера. Но я не уверена, что по-старинному безмолвствующий народ ныне является жертвой: как показала пандемия, ни властям, ни в прогресс он не верит, по этой причине не следует во всем доверяться социологическим опросам, поскольку многие респонденты опрашиваемым не доверяют. Что касается отступления демократии перед «неоавторитаризмом», то в некотором роде это свершилось, но можно и вопрос поставить иначе, по-горьковски: а была ли демократия, чтобы можно было от нее отступить? Не переносим ли мы наши попытки мыслить о демократии на действительное состояние? Если и до 1991 г. был запрос на авторитаризм, то не с самого ли начала эта идея была поставлена под вопрос? Ведь многие представительные учреждения существовали и при самодержавии, или, как поправляет А.В. Оболонский, при «министерской олигархии»? Все, что на круглом столе высказали его участники, А.В. Оболонский подтвердил документально. Более того, он оценивает нашу (ученых-исследователей, говорящих о демократии) «чрезмерную аффилированность <...> с гос[ударственными] органами, деловые и институциональные связи с ними, что порождает морально-психологическую, а во многих случаях и прямую материальную зависимость от благорасположения чиновников, т. е. объекта анализа» как резкое снижение уровня аналитики и репутации науки государственного управления как научной дисциплины, «и профессионального уровня людей, в ней работающих» [Макаренко 2020, с. 192].

Здесь я специально чередую выступления на круглом столе и нижеследующие главы книги, чтобы показать (в главе А.В. Оболонского «Стереотипы бюрократического сознания как опасная патология: размышления на фоне юбилея Виктора

³ О таком образе Прометея, кстати, прекрасно сказано в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, цитату из которого приводит А.В. Оболонский в главе «Стереотипы бюрократического сознания как опасная патология» [Макаренко 2020, с. 198–199].

Макаренко» это сделано без пафоса и громких заявлений), что мы совершенно не готовы к самостоятельности, к полемике, решающей все здесь и сейчас, без чего нет демократии, но зато готовы говорить о ней, ничего не решая. Впрочем, иногда разглагольствования перетекают в парламент как высший представительный и законодательный орган с разделением властей и с дискуссиями, но может произойти и обратное: парламент как «не место для дискуссий» превращается в болтовню. А.В. Оболонский связывает эту «проблему трусости и низкого уровня профессионализма многих исследователей государственных институтов» не только с Россией, она носит интернациональный характер [Макаренко 2020, с. 192]. Противостоять этому надо хотя бы потому, что, как считает Ю.Е. Милованов, «господствующим типом власти в таком обществе является вождизм» [Макаренко 2020, с. 53]. Это уже прямая угроза даже разговорам о демократии, к чему бы она не имела отношения – к личности или корпоративным группировкам.

Анализируя мысль М. Вебера об идеальном типе бюрократии, А.П. Огурцов считает, что в действительности происходит искажение понятий «цели» и «средства», когда бюрократия из средства осуществления целей социального управления превращается в самоцель, ее ценности трансформируются в государственные. Эти процессы достаточно хорошо описаны не только К. Марксом, но и «новыми левыми». Однако, подчеркивает А.П. Огурцов, эти «метаморфозы бюрократии <...> не должны закрывать от нас реальные функции этой группы в обществе <...> как одного из компонентов любой системы управления», ибо бюрократия способна «создать механизмы социального регулирования, контроля за ее деятельностью и ее защиты, наконец, институционализировать профессиональные нормы производственного и государственного управления», ибо «воевать надо не с бюрократией, а с бюрократизмом» [Макаренко 2020, с. 59–60].

А.П. Огурцов не согласен с теми, кто видит в бюрократии социальную базу сталинизма и тоталитаризма вообще, поскольку тоталитаризм вел войну с бюрократией. Свой анализ он обосновывал увеличением более чем в 30 раз количества чиновников в XX в., при этом констатируя, что, хотя его подсчеты нельзя назвать вполне обоснованными, «... даже эта статистика показывает непрерывный рост бюрократии как социальной группы. Это означает, что эта социальная группа выполняет весьма существенные общественные функции (планирования, учета, рационализации труда, контроля, координации, регулирования и т. д.), без осуществления которых не может существовать ни производственное предприятие, ни административный коллектив, ни общество в целом». Следовательно, «тоталитаризм не нуждался ни в бюрократии, ни в теории управления. Он нуждался лишь в послушании, в слиянии всех групп и слоев с властью», перед которой всегда были беззащитны чиновники, не огражденные от ее произвола законом [Макаренко 2020, с. 60]. По мнению А.П. Огурцова, «мы тихо вползли в авторитаризм», а бюрократия стала авторитарной бюрократией, «для которой характерно превращение повиновения в самоцель, использование санкций для упрочения своей власти, коренящейся в простом факте пребывания в должности», смыкающейся «с экономическими корпоративными группами, коррумпирующей и не допускающей правовых механизмов регуляции и контроля» [Макаренко 2020, с. 61].

Авторы сборника то и дело призывают к обратимости определений и решений, кажется, запрещенных формальной логикой. Речь постоянно идет о том, что нужно что-то делать, бороться, не позволять. Но что делать? Революционный путь

многими отсекается, другие что-то в принципе не приемлют. Но каким образом отсекаемое вновь возвращается, какие механизмы в данном случае задействованы? Неужели суть дела сводится к одной только универсальной метафизике как основе методологической рефлексии? И разве авторы прокладывают путь, о котором не знают, что сказать? И если политическое действует в сфере свободы, то каким образом эта свобода постоянно дает себя попирать какой бы то ни было, часто гротескной (например номенклатурной) необходимостью? Говоря о политическом, анализируя сказанное о нем, мы волей-неволей порожаем те самые абстрактные имена, о которых говорил В.П. Макаренко, но это не лишает их «строгого теоретического смысла», а выявляет основания конкретного имени вещи, хотя и не самой вещи как таковой. Я полагаю, что мы не вполне обращаем внимание на перформативность вещи, а потому не слишком отчетливо видим разницу между именем, вещью и предполагаемой вещью, не вполне уясняем себе то основание, к которому применимы разные имена. Повтор и определений, и необходимости принятия решений, как мы это видим в книге, свидетельствует, что все сказанное и продумываемое как-то удерживается. Вопрос в сроках этого удержания – оно может так же «заговориться», как прочие понятия. К нему применимо деятельное отношение, о чем в третьей части книги высказываются «щедровитяне»⁴. Но дело даже не в этом: сама длительность удержания доказывает, что решения уже есть (при отсутствии решимости их принять и вербализовать), однако все решения – хуже. Терзание мысли, видимо, удел человека. Потому и Вебер остается главным авторитетом, и время характеризуется как авторитарное, и публицистика превалирует над анализом.

Можно сказать, что первая часть книги – не предсказание, а еще один эпитаф к последующим главам книги. Но вот получили ли развитие термины («авторитарная бюрократия», «ноократия», «ветократия», «деятельность для деятельности», «социальные разумные системы»), идеи собственности, кроме определений «вышедших из моды» общенародной, колхозной, даже кое-где и кое-как частной, монополизированной? Создается впечатление, что собранные в одной книге идеи живут своей жизнью, совпадая с другим (философским, социологическим, историческим) обобщенным пониманием проблемы и бюрократии, и авторитаризма, и поэтому от ее прочтения остается двойственное впечатление. С одной стороны, читатели посвящены в многообразные анализы бюрократии и авторитаризма, не связанные друг с другом, с другой стороны, хотя книга представлена монографически, в виде глав, эти главы выглядят как статьи, имеющие право логически быть не связанными друг с другом, а только единством темы. Единство же рассуждений и выводов возникает только из специального подбора авторов определенной политической ориентации.

Большая часть этих глав-статей посвящена России последних двадцати лет; и все же их авторы не диагностируют (лишь С.Л. Хайтун жестко ставит вопрос о диагнозе), а описывают симптомы бюрократически-авторитарного государства. В этой связи обстоятельная глава-статья А.П. Давыдова «Россия: социокультурные основания московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса (XII в. – 1917 г.)» выглядит довеском к прочим главам-статьям монографии, несмотря на свой хронологический размах. Термин «политарный» (который применил историк Ю.И. Семенов и который обозначает механизм управления

⁴ Представители школы Г.П. Щедровицкого.

страной, имеющий разные названия: «естественное государство», «распределительная экономика», «тоталитарный», «деспотический» и пр.) «провис», как и прочие нововведенные термины. Актуальная для нашего академического сообщества глава Э.И. Колчинского «Академия наук и бюрократия: борьба и симбиоз» оказывается лишь одним из примеров плохого бюрократического отношения к науке и системе образования. Таким же примером выглядит глава, написанная А.В. Скиперских «Дефицит бюрократии: рассуждения о российской провинции», традиционно противопоставленной центру (столице), выступающему средоточьем политики. Статья М.В. Раца, С.И. Котельникова и Б.Г. Слепцова «Политическая бюрократия как проблема» составляет почти седьмую часть книги, содержащей 268 страниц, написанной 23 авторами. Это, конечно, легко умещается в «панораму международных конференций», но не в «панораму международной дискуссии», которой по существу нет, а есть все-таки сборник с разными темами и предложениями. Я бы сказала, представлен материал для дискуссий, что совсем неплохо, поскольку каждая статья-глава достойна не только прочтения, но и серьезного обсуждения. Однако реальный отклик получили только высказывания В.П. Макаренко, славному юбилею которого посвящена эта монография-сборник.

Сам В.П. Макаренко главу «Государственная рутинная современная Россия» начинает с характеристики бюрократического управления российским государством: «полновластие и монополия чиновников на выработку и проведение внутренней и внешней политики, отсутствие выборности, назначаемость чиновников сверху, привилегии чиновников и политическое рабство народа» [Макаренко 2020, с. 63]. Эти характеристики определяются соответствием между формой политического строя и приемами государственного управления; спецификой политического строя и права страны; возможностью конструирования мнимого противоречия между политическим строем и бюрократическим управлением; отношением между чиновником и гражданином; количественным ростом бюрократии (числом чиновников, административных структур, нормативно-регламентирующих документов) и пр.

«Тридцать лет назад я поставил проблему политической рутины и предложил разделить все советское общество на две крупные группы: полицейизирующих и полицейизированных индивидов (в главе 9 эту же тему развивает А.В. Оболонский – С.Н.). В состав первой группы тогда входили: аппарат КПСС, кадры профессиональных военных, государственной администрации, органов внутренних дел и госбезопасности, а также пенсионеры всех указанных структур. <...> В состав второй группы входили все те, кто реально или потенциально был <...> предельно свободным от влияния первой группы. Сегодня <...> кадры партийного аппарата рассосались среди остальных своих соплеменников. <...> В любом случае постсоветская история России сформирована представителями первой группы. Это такое меньшинство, которое никогда не было и не будет “безмолвствующим большинством”, если воспользоваться образом Ф. Броделя» [Макаренко 2020, с. 63].

Ссылаясь на опросы Левада-Центра⁵, которые показали, как на протяжении 2000-х гг. вырос уровень доверия населения России к армии и органам госбезопасности (в 2001 г. – 33 и 22%, в 2013 г. – 43 и 36% соответственно), и на исследования С.А. Никольского [Никольский 2014], В.П. Макаренко делает вывод, что значительная часть населения страны была и остается «имперским людем»,

⁵ Аналитический центр Юрия Левады – некоммерческая организация, признанная выполняющей функции иностранного агента.

испытывающим любовь к армии и чекистам. Лично мне такой вывод не нравится по многим причинам, в т. ч. из-за выраженного в нем презрения к инакомыслящим и из-за возможной неточности ответов: люди могут действовать, как и власть, мимикрически, т. е. голосовать «за», чтобы «отстали», полагая, что в современном мире власть, обладающую всеми силовыми возможностями (политическими, публицистическими, вооруженными, связанными с угрозой простому существованию) не поколеблешь, а потому предпочтительнее с нею дела не иметь. Более того, некоторые авторы в этой книге фактически выражают эту позицию. Сам В.П. Макаренко пишет: «Насколько эта тенденция общественного мнения является следствием сознательного выбора каждого индивида, а насколько она отражает результаты систематического воздействия на общество полицейизированных групп и пропаганды? – социологические исследования на этот вопрос не отвечают» [Макаренко 2020, с. 69]. Также я не думаю, что только русской душе свойственна особая предрасположенность к доносам [Макаренко 2020, с. 74]⁶.

В главе «Новый авторитаризм как политический феномен» А.В. Глухова обращается к проблеме «теоретической идентификации», тенденции к «возвращению авторитарных великих держав», отмечая, что «авторитарный откат» был зафиксирован исследователями еще в конце 2000-х гг. А.В. Глухова разворачивает историографическую картину того, как возникала эта проблема, ее статья – одна из самых фундированных в монографии по исследованию истоков авторитаризма, которые (это я отмечаю с сожалением) обнаруживаются только в 1980-е гг. Удачное выражение – «крадущийся авторитаризм» как современная форма угрозы демократии и свободе, ограничения либеральных порядков» [Макаренко 2020, с. 80] – это модель, характерными чертами которой становятся «игнорирование плюралистического характера общества и политики как конкурентной борьбы за власть, трактовка ее как запретного вида деятельности, нуждающегося в санкционировании властью; популистские апелляции к народу, <...> активизировавшийся поиск идеологических обоснований политического курса (вопреки традиционному авторитаризму, как правило, деидеологизированному), <...> усиливающийся контроль над средствами массовой информации, прежде всего Интернетом, <...> активное использование судопроизводства и правоприменительной практики в подавлении сопротивления активистов общественных групп, <...> игнорирование резолюций международных организаций, осуждающих использование авторитарных практик (при сохранении в них формального членства); обвинение Запада и в целом внешних сил в организации и осуществлении заговоров с целью свержения власти и т. д.» [Макаренко 2020, с. 82–83].

Неоавторитаризм обладает двумя чертами, не типичными для классических авторитарных режимов: «открытостью границ, позволяющей вынуждать недобровольных к отъезду из страны и тем самым – к ослаблению организованного сопротивления режиму», и «отсутствием единой идеологии, освобождающей элиты от реформистских иллюзий, а оппозицию – от языка и платформы для формирования идеала, сквозь призму которого режим можно представить неполноценным и подвергнуть давлению снизу» [Макаренко 2020, с. 85]. Но и ветократия⁷ создает проблемы при обеспечении программы общего блага.

⁶ Достаточно напомнить, что еще в VI в. из-за донощиков был казнен мудрейший Бозций.

⁷ Нефункциональная система управления, при которой ни одно отдельное лицо не может получить достаточно власти для принятия решений и эффективного управления (термин Ф. Фукуямы).

По мнению А.В. Глуховой, «полное отсутствие “образа будущего”, превратившегося в проект вечной консервации “настоящего” и реставрации “прошлого”, обрекает власть лишь на два плохих варианта развития событий: либо к полноценному жесткому авторитаризму и репрессиям, либо к медленному саморазрушению под натиском социального протеста и обостренного запроса на перемены» [Макаренко 2020, с. 92]. Второй сценарий, безусловно, является более предпочтительным для общества, и А.В. Глухова (одна из немногих в книге) дает некоторые рекомендации для соблюдения условий для успеха такого сценария: «созревание социальной базы протеста; взросление реальной оппозиции, набирающей опыта; исчерпание способности режима к адаптации и гибкости» (признаки такой дезадаптации, по ее мнению, в последнее время появляются все чаще) [Макаренко 2020, с. 92].

Выше я упомянула, что анализирующая превращения авторитарной системы А.В. Глухова истоками этой системы считает, к сожалению, 1980-е гг. Это мое сожаление полностью компенсируется статьей С.Л. Хайтуна «Четыре ошибки Карла Маркса и их проекция на путинскую Россию». Учение К. Маркса и есть настоящий исток нынешнего авторитаризма, и даже фашизoidность, неизбежная при отождествлении нации с государством. С.Л. Хайтун, правда, имеет в виду другие ошибки:

1. К. Маркс не учел эволюционной роли рынка: провозгласив курс на уничтожение рыночной экономики, он объявил тем самым войну законам социальной эволюции, входящим в единый свод законов природы.

2. К. Маркс опирался на некорректное понятие прибавочной стоимости. Из факта, что современные ему работодатели-капиталисты выплачивали наемным рабочим малую часть стоимости продукции, К. Маркс сделал слишком жесткие выводы, поставив целью ликвидировать институт частных собственников и не поняв, что работодатель (бизнесмен) является неотъемлемым и наиболее ответственным участником трудового процесса, которому положена своя плата за создание рабочих мест, инициативу и риск [Макаренко 2020, с. 102].

3. По мнению С.Л. Хайтуна, К. Маркс не увидел разрешения извечного противоречия между наемным работником и работодателем (трудом и капиталом) потому, что не отдавал должного потребительскому спросу. Другими словами, Маркс не додумался до идеи английского экономиста Дж.М. Кейнса, согласно которой большая зарплата работников, создавая в стране высокий потребительский спрос, интенсифицирует экономику, увеличивая вместе с тем прибыли работодателей, поскольку работники выступают еще и покупателями, поэтому при определенных условиях предпринимателям выгодно выплачивать работникам значимые суммы. И хотя впоследствии экономику поражает кризис, как это было в странах Запада в 1970-х гг., вывел их из него монетаризм (в форме «рейганомии», «тэтчеризма» и пр.), который, в противоположность кейнсианству, защищает работодателя. Однако если говорить о кейнсианской экономике в широком смысле, понимая под ней экономику, в которой «средствами государственного регулирования рынка зарплата работников поддерживается на уровне 50–70% от стоимости продукции, а децильный коэффициент фондов – на уровне 6–12, то кейнсианство совершенно определенно не ушло в прошлое» [Макаренко 2020, с. 104].

4. «Маркс не принял в расчет феномен номенклатуры», о чем мы говорили выше. Между тем именно «номенклатурная собственность возникла и растет

за счет поглощения частной и государственной собственности», грабя население своей страны. «Члены номенклатурного клана вынуждены расчеловечивать остальное население, смотреть на него как на людей низшего сорта, искренне считая себя людьми высшего порядка». Собственно, в правлении номенклатуры и состоит болезнь современной России, унаследованная от ельцинской эпохи и СССР [Макаренко 2020, с. 111].

Вся третья часть «Методологическая рефлексия», как мы уже говорили, в принципе ориентирована на позицию В.П. Макаренко. Один из авторов этой части М.С. Константинов (глава «Концепт, логос и (не)много политики») не упомянул ни слова о понятиях «бюрократия» и «авторитаризм». Глава «Политическая бюрократия как проблема: приглашение к дискуссии» М.В. Раца, С.И. Котельникова и Б.Г. Слепцова, представляющих школу Г.П. Щедровицкого, дискуссионна и, на мой взгляд, предельно неконкретна. Она посвящена «политической бюрократии как проблеме», которую они по-новому – как систему правления в России/СССР – увидели благодаря концепции В.П. Макаренко [Макаренко 2020, с. 153]. Эта система – прежде всего политика, в которой задействованы субъекты с разными картинками будущего. Авторы считают, что существуют два «идеальных» представления политики: либеральная европейская демократия и авторитарная система большинства стран Азии и Африки. Но почему это так, неясно, равно как непонятно, что именно имеется в виду под «мыследеятельностью» и под таким типом отношений, как «деятельность над деятельностью» (кроме того, что это термины Г.П. Щедровицкого). Показалась интересной идея «работы без понятия», которая сводится не к паре «проект – реализация» (что вообще-то очень важно), а к работе воображения, к форме проектов, не всегда требующих реализации, схожих с известными в архитектуре бумажными проектами, в которых прорабатываются конкретные детали предполагаемого будущего.

Вопрос, который авторы главы считают первостепенным, состоит в том, как представить себе систему правления, объединяющую два разнородных начала: управление и власть. Ответ они видят в их жесткой функционализации: «на (само) управление в идеале возлагается ответственность <...> за любые перемены в жизни граждан. Власть же при этом несет ответственность за поддержание стабильности существующей системы в целом <...> за исполнение действующих законов», представляя собой *нормоконтроль*. «От системы нормоконтроля требуется всего лишь полная прозрачность, в то время как управленческие решения подлежат обсуждению с участием всех заинтересованных граждан» [Макаренко-2020, с. 177–178].

Пытаясь представить смысл идей Г.П. Щедровицкого, авторы оснащают текст пунктами и подпунктами, обязывающими к деятельности, от которых, однако, остается впечатление редукции к абстракции. Например, что же все-таки такое «нормоконтроль»? Где гарантии возникновения его «полной прозрачности»? Если их нет, то все это – хорошие слова и благие намерения, ведущие к возникновению новых недеятельных законов. Каждый из нас, писал В.В. Биbihин, не ощущает, а знает, что и при неработающей Конституции действует жесткая норма – необходимость получения паспорта или регистрации свидетельствует о норме, хотя и неправовой. «Рождение и место жительства человека случайно, но как только он записан в паспортном столе, место жительства жестко закрепляется за ним. Стабилен не закон, который течет, как Конституция, которая переписывалась на протяжении восьмидесяти лет 4 раза полностью, а инерция записи о лице и вещи.

Для этой черты правовой реальности есть старое слово: крепость. <...> Крепостное <...> право создавалось в ситуации опять же законодательной неопределенности и исправляло текучесть, неясность закона жесткостью вводимого порядка» [Бибихин 2005, с. 121]. Естественно, что только при возникновении идеи непонятно какого нормоконтроля естественно и логически неизбежно встает вопрос о бюрократии, и он не может не возникнуть при столь неясных критериях «работы без понятия».

Все авторы отмечают чрезмерное разрастание бюрократии, ее безответственность и отрешенность, а заодно и отчуждение власти в целом от народа, подмену содержания формой, бюрократическую деформацию сознания [Макаренко 2020, с. 196]. В данном случае становится неважным, кому именно принадлежат эти слова – они выражают всеобщее мнение, что «наша бюрократия – раковая опухоль на теле общества» [Макаренко 2020, с. 209].

К сожалению, не стала весомым заключением глава С.Л. Хайтуна «От пандемии COVID-19 к главной проблеме современной науки: чтобы избежать технократических и иных глобальных катастроф по вине ученых, научные и научно-технические исследования должны контролироваться при участии “людей с улицы”», от которой можно было ожидать хотя бы описания границы уходящего мира, полноты его кончины, извращения прав человека и цивилизационных устоев.

В целом сборник «Бюрократия и авторитаризм: программа междисциплинарной дискуссии» – эта весьма достойная книга, приглашающая к размышлению. Например, о том, что, может быть, мы живем не в авторитарном государстве, а в принципате, смысл которого заключается в использовании демократических институтов для получения личной власти, и это переходный период, способный привести нас как к тоталитарной власти, так и к республиканской. В этом смысл «*Il Principe*» Н. Макиавелли, который писал не о государе (почему-то мы неуклонно переводим это слово именно так, указывая на неизменную будто бы вертикаль власти), а о принцепсе; его книга изначально должна была называться «О принципатах», и он неслучайно изучал эпоху Октавиана Августа. Потому оправданы оговорки А.П. Огурцова об авторитаризме, переходящем в тоталитаризм, и еще не забытый страх тоталитаризма. Согласие некоторых авторов с авторитарной системой свидетельствует о молодом возрасте этих авторов, не столкнувшихся с системой тоталитарной, и в том, что на нее непрестанно обращает внимание В.П. Макаренко, – его несомненная заслуга.

Список источников

- Бибихин В.В. (2005) Введение в философию права. М.: ИФРАН.
 Бибихин В.В. (2012) Собственность. Философия своего. СПб.: Наука.
 Гельман В.Я. (1997) “Transition” по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1986–1996) // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 64–81 // <http://www.pavroz.ru/files/gelmtransition.pdf>, дата обращения 11.06.2021.
 Макаренко В.П. (ред.) (2020) Бюрократия и авторитаризм: программа междисциплинарной дискуссии. Сборник трудов. Таганрог: Южный федеральный университет.
 Никольский С.А. (2014) Русские как имперский народ // *Политическая концептология*. № 1. С. 42–54 // <https://politconcept.sfedu.ru/2014.1/04.pdf>, дата обращения 11.06.2021.

“I’d Tear Like a Wolf at Bureaucracy”?⁸

Book Review: Makarenko V.P. (ed.) (2020) *Bureaucracy and Authoritarianism: A Program of Interdisciplinary Discussion. Collection of Works*, Taganrog: Southern Federal University (in Russian).

S.S. NERETINA*

Svetlana S. Neretina – DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, abaelardus@mail.ru

Citation: Neretina S.S. (2022) “I’d Tear Like a Wolf at Bureaucracy”? *Mir Rossii*, vol. 31, no 2, pp. 174–188 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-174-188

Abstract

In this review, I analyze the collection of works representing research on bureaucracy and authoritarianism over the last thirty years edited by professor V. P. Makarenko. Three sections of the collection (The roundtable reflections published in “Voprosi Filosofii”, “Thirty Years Later: the Spheres of Power and Bureaucratic Activity” and “Methodological Reflections”) represent the proceedings of an international conference which aimed to advance the concept of bureaucracy and the understanding of how it is intertwined with authoritarianism. According to most authors, such an intertwining was established in Russia after the collapse of Soviet Union and prevented the onset of democracy. More specifically these sections address such problems as the correlation between bureaucracy, authoritarianism, and the future of democracy in Russia; bureaucracy and the substitution of politics by management; bureaucracy and leadership; bureaucracy and property; and bureaucracy and its relations with the Russian regions. They also consider the stereotypes of bureaucratic consciousness as a dangerous pathology, and changes associated with the pandemic.

The analytical chapters of the collection have a sharp public orientation making them more accessible to a wider readership. Most authors relate the rise of authoritarianism to insufficient democratic education, stating that the middle class with a well-developed legal consciousness is required for the existence of an effectively working bureaucracy. In other words, they place bureaucratism, not bureaucracy, at the core of the problem. The collection discusses the origins of modern Russian bureaucracy and authoritarianism within the Marxist theoretical framework. It also introduces several potentially useful concepts such as authoritarian bureaucracy, noocracy, vetocracy, activity for activity, social reasonable systems, etc., many of which, however, do not receive sufficient development.

One such concept—the nomenclature—is discussed in greater detail. Instead of its more conventional definition provided by Voslensky (i.e., as a list of managers and/or persons filling these positions recruited by the ruling party), one of the authors in the collection, Khaytun, suggests linking the nomenclature with the privileges of officials and the concept of reason-oriented social systems which subordinate individual interests and create a specific kind of property possessed by officials. This is neither private nor state property, but a different kind of property that plays a system-forming role in the state.

⁸ These are the opening lines from the poem “My Soviet Passport” by Vladimir Mayakovsky, an avant-garde Soviet poet, published in 1929.

Keywords: *bureaucracy, authoritarianism, democracy, nomenclature, property, management, legal consciousness, chiefdom, the principate*

References

- Bibikhin V.V. (2005) *Introduction to the Philosophy of Law*, Moscow: Institut filosofii RAS (in Russian).
- Bibikhin V.V. (2012) *Property. The Philosophy of Its Own*, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Gelman V.Ya. (1997) "Transition" in Russian: Concepts of the Transition Period and Political – Transformation in Russia (1986–1996). *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 64–81. Available at: <http://www.pavroz.ru/files/gelmtransition.pdf>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Makarenko V.P. (ed.) (2020) *Bureaucracy and Authoritarianism: A Program of Interdisciplinary Discussion. Collection of Works*, Taganrog: Southern Federal University (in Russian).
- Nikolsky S.A. (2014) Russians as Imperial People. *The Political Conceptology*, no 1, pp. 42–54. Available at: <https://politconcept.sfedu.ru/2014.1/04.pdf>, accessed 12.12.2021 (in Russian).